

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАЛОЖНЫХ ПОКОЙНИКАХ В ПОНТИЙСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Ксения Анатольевна Климова

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра византийской
и новогреческой филологии,
филологический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова;
научный сотрудник,
Центр славистических исследований,
Институт славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Аннотация

Статья посвящена описанию народно-мифологических представлений о заложных покойниках в традиционной культуре понтийских греков, она основана преимущественно на полевых данных, собранных в ходе экспедиций 2022–2024 гг. в места компактного проживания понтийских греков — в Краснодарский и Ставропольский края, республики Карачаево-Черкесия, Северная Осетия — Алания и Дагестан, Казахстан, Грузию и Армению, а также на данных письменных источников по традиционной культуре понтийских греков и диалектных словарей. Характеристики понтийского мифологического персонажа «хортлах» («ходячего покойника», вурдалака) рассматриваются по схеме, разработанной коллективом авторов Московской этнолингвистической школы, включающей описание названия и имен персонажа, его ипостасей, характеристик внешнего облика, генезиса, локусов, времени активизации, свойств, характерных занятий, функций и предикатов, объектов воздействия, характерных мотивов и пр. Отличительная особенность понтийского «хортлаха» — его способность к оборотничеству (днем он лежит в виде мертвеца в могиле, а ночью выходит за пределы кладбища и бродит по селу в виде большой черной собаки). Представления о «хортлахе» лучше сохраняются среди туркоговорящих греков-урумов, уроженцев греческих сел Грузии, что соотносится с общей лучшей сохранностью народно-мифологических воззрений и традиционной культуры в этой субгруппе. Нарративы о «хортлахах» распространены во всех обследованных регионах, а сама лексема закреплена в том числе во фразеологизмах типа «бродить, как “хортлах”», «гулять по ночам, как “хортлах”» и в качестве ругательства. Развернутые тексты с описаниями мифологических персонажей или полные тексты классических быличек на обследованных территориях в настоящее время записываются очень редко, а мифологическая лексика постепенно уходит в забвение.

Ключевые слова

Греки России, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, понтийский диалект греческого языка, похоронно-поминальный обряд, народная мифология, полевые исследования

Финансирование

Работа осуществлена при поддержке гранта РФФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении».

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 3 декабря 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Климова К. А.* Представления о заложных покойниках в понтийской народной культуре // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2024. Т. 19. № 3–4. С. 225–239. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.11>

REPRESENTATIONS OF THE DEAD IN THE POPULAR CULTURE OF PONTIC GREEKS

Ksenia A. Klimova

Ph. D., Associate Professor,

Department of Byzantine
and Modern Greek Studies,

Faculty of Philology,

Lomonosov Moscow State University;

Researcher,

Center for Slavic Studies,

Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky prospect, 32A,

Moscow, 119334, Russia

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Abstract

This article presents a detailed account of the folk-mythological representations of the deceased in the traditional culture of the Pontic Greeks. It is primarily based on field data collected during expeditions conducted between 2022 and 2024 in the areas where the Pontic Greeks have traditionally lived in concentrated settlements. The data was collected from the Krasnodar and Stavropol regions, the Republics of Karachay-Cherkessia, North Ossetia-Alania and Dagestan, Kazakhstan, Georgia and Armenia, as well as from written sources on the traditional culture of the Pontic Greeks and dialect dictionaries. The characteristics of the Pontic mythological character “hortlach” (“walking dead,” zombie) are considered according to the scheme developed by the team of authors of the Moscow ethnolinguistic school. This includes a description of the character’s names and titles, its hypostases, characteristics of its appearance, genesis, loci, time of activation, properties, characteristic occupations, functions and predicates, objects of influence, characteristic motifs, and other relevant information. A distinctive quality of the Pontic “hortlach” is its capacity to alter its physical form. During the daytime, it assumes the appearance of a deceased individual interred in a grave, at night, it emerges from the cemetery and departs from the burial ground. Another distinctive attribute of the Pontic “hortlach” is its capacity to transform into a werewolf. During the daytime, it lies in the grave in the form of a deceased individual, while at night it emerges from the cemetery and traverses the village in the guise of a massive black canine. The concepts associated with the “Chortlakh” are more enduring among Turkic-speaking Urum Greeks, who are native to Greek villages in Georgia. This observation correlates with the overall more robust preservation of folk-mythological beliefs and traditional culture within this subgroup. Narratives about “chortlakh” are ubiquitous across all surveyed regions, and the lexeme itself is fixed in a multitude of phraseological expressions, including “to wander like a chortlakh,” “to walk at night like a chort-

lakh,” and as a swear word. Extended texts with descriptions of mythological characters or full texts of classical stories are very rarely recorded in the surveyed territories, and mythological vocabulary is gradually fading into oblivion.

Keywords

Traditional Greek culture, ethnolinguistics, Pontic Greeks, Pontic dialect of the Greek language, funeral and memorial rites, folk mythology, field research

Funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-18-00484 “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage”.

Received 26 November 2024

Revised 3 December 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Klimova, K. A., 2024. Representations of the Dead in the Popular Culture of Pontic Greeks. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 225–239. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.11>

Статья основана преимущественно на полевых данных, собранных в ходе экспедиций 2022–2024 гг. в Краснодарский край (г. Сочи и окрестности, Анапа, Геленджик, Новороссийск, Краснодар, Крымский район и пр.), Ставропольский край (г. Ессентуки, г. Минеральные воды, г. Пятигорск и окрестности), Карачаево-Черкесию, Северную Осетию, Дагестан, Грузию, Армению и Казахстан, а также на данных письменных источников по традиционной культуре понтийских греков и диалектных словарей. Помимо собственно мифологических нарративов и лексики во время полевой работы были получены материалы по традиционной культуре понтийских греков, календарной и семейной обрядности (рождение, свадьба, похороны) по этнолингвистическому вопроснику А. А. Плотниковой¹.

Греческое понтийское население появляется в южных регионах России преимущественно во второй половине XIX в. Подробные описания процесса переселения малоазийских греков с южного побережья Черного моря на новые территории отражены не только в исторических источниках², но и передаются через фольклорные нарративы и по сей день. По сравнению с данными на начало XX в. численность греков на территории России значительно сократилась (по данным переписи населения 2010 г., в России проживают около 85 000 греков), однако язык (понтийский диалект греческого языка) и элементы традиционной культуры в местах компактно-

¹ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

² Подробнее о переселении понтийских греков с малоазийских территорий в Ставропольский и Краснодарский края см. *Χασιώτης Ι. Κ. (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997. Σ. 106–118.*

го проживания греков сохраняются вплоть до наших дней. Лучше всего языком владеют люди старшего поколения, которые признаются, что понтийский греческий был для них первым языком, и они начинали говорить по-русски только в школе, люди среднего возраста могут хорошо понимать язык, но сами говорят уже мало, молодые люди и дети часто используют только расхожие бытовые выражения, однако в некоторых селах степень владения понтийским среди детей и молодежи высока и до сих пор. Многие владеют современным литературным новогреческим языком, поскольку часто ездят в Грецию, в местных культурных объединениях часто проводятся занятия по греческому языку для взрослых и детей, в то время как понтийский диалект преподается крайне редко.

Развернутые тексты с описаниями мифологических персонажей или полные тексты классических быличек на обследованных территориях в настоящее время записываются очень редко, а мифологическая лексика постепенно уходит в забвение, что объясняется рядом исторических факторов: сложный путь переселения российских греков с исторической малоазийской родины через Грузию на российские территории привел к значительным потерям культурного наследия; долгое время, проживая в условиях советской культуры, неблагоприятной для сохранения веры в сверхъестественное, они испытывали сильное воздействие доминантной традиции, способствующее вытеснению мифологических верований; язык и культура постепенно подвергались интерференции, что впоследствии привело к ассимиляции со стороны соседних этносов — прежде всего русских, а также грузин и армян. В современном урбанизированном мире традиционные народно-мифологические представления понтийских греков постепенно утрачиваются, уступая место новым глобализированным культурным ценностям, поэтому сбор и фиксация современной мифологической лексики и нарративов представляют собой актуальную задачу для исследователя.

В настоящей работе мы будем стараться придерживаться схемы описания мифологических персонажей, разработанной коллективом авторов Московской этнолингвистической школы³, включающей описание названий и имен персонажа, его ипостасей, характеристик внешнего облика, генезиса, локусов, времени активизации, свойств, характерных занятий, функций и предикатов, объектов воздействия, характерных мотивов и пр.

Система народно-мифологических воззрений понтийских греков является частью общегреческой, однако обладает рядом уникальных черт на лексическом и фольклорном уровне. Для обозначения многих общегреческих мифологических персонажей, известных на территории современной Греции под определенными именами, понтийские греки используют

³ *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // *Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 16–44.*

специфические диалектные варианты лексем⁴. Мифологический персонаж в виде «ходячего» покойника, который по ночам встает из могилы и бродит в мире людей с целью напугать их или нанести какой-либо иной вред, называемый в Греции *βροκόλακας* ‘вурдалак’, у понтийцев именуется *χортλάχ*.

Названия этого мифологического персонажа во всех обследованных регионах сводятся к условно единой лексеме *χортλάχ*, имеющей локальные разновидности *χοτλάχ*, *χортλάχ’ς* (с. Галицино) и *κοτλάχ’ς* или *κοτλάς* (пос. Красная Поляна) и восходящей к турецкому *hortlah* ‘«хортлах», «ходячий» покойник, вурдалак, вампир, привидение’. В «Словаре понтийского диалекта» Д. Николополитидиса, включающем данные с территорий исторической области Понта (современная Турция), помимо зафиксированных нами лексем приводятся варианты *χортλάκος*, *χортλάχης*, *χортλάχ’ς*, *χοτλάχ’ς*, а также *βροκόλακας*, *βορδόλακας*, производные от общегреческой лексемы славянского происхождения *βρικόλακας*⁶ (ср. хорв. *vrukolak*, болг. *върколак*, *въркодлак* ‘волколак’ и пр.) и *εξώτερον* (< *έξω* ‘вне, за пределами’, ср. новогреческие названия мифологических персонажей *ο εξαποδώ* ‘черт, дьявол’, *τα ζωτικά* ‘привидения’ с внутренней формой слова «внешний»⁷)⁸, однако

⁴ Имена понтийских мифологических персонажей являются не просто фонетическими диалектными вариантами общегреческой лексемы, они могут иметь совершенно иную этимологию. При этом остальные характеристики мифологических персонажей этого типа (время появления, внешний облик, функции и обереги и пр.) в общегреческой и понтийской традиции будут совпадать. Например, святочные демоны, известные в Греции повсеместно под общим именем *Καλικάντζαροι*, в понтийской традиционной культуре называются *Πιζήλά*, *Πίζουλα*, *Πίζελα*, *Πιζήαλα*. Эти имена восходят к понтийскому прилагательному *πιζήλος* ‘плохой, опасный, подверженный сглазу’, которое, в свою очередь, возводится к среднегреческому прилагательному *επιζήλος* ‘завидный’ (подробнее о персонажах данного типа см.: Климova К. А. Греческие святочные демоны: каликандзары, скалапундары, планитары, пагана, пизилы // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2023. № 14 (1). С. 7-26. https://doi.org/10.52607/26587157_2023_14_7).

⁵ Такой вариант понтийского названия этого мифологического персонажа также фиксирует Г. Эфремидис *Εφραμίδης Γ. Προλήψεις — δεσπομονίες στον Πόντο (από το έργο του Αναγία Ν. Νικολαΐδη)* // Ποντιακή Εστία. 2011. Τεύχος 171. Σ. 301-302.

⁶ Подробнее о вариантах этимологии лексемы *βρικόλακας* см.: Климova К. А. Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. Вып. 1. С. 274-275.

⁷ Подобные имена-апотропеи, имплицитно выполнявшие помимо номинативной и апотропейческую, то есть отгонную, функцию, с внутренней формой «внешний», используются для обозначения самых разных мифологических персонажей: нерид (*(ε)ζωτικός*), привидений (*ζωτικά*); также термином *εξωτικά* в новогреческой мифологии обозначается нечистая сила вообще. Подробнее см.: Климova К. А. Дьявол как внесистемный персонаж новогреческой демонологии // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2018. № 1-2 (3). С. 77-78. https://doi.org/10.29003/m690.2658-7157.2018_3_1-2/74-94

⁸ *Νικολοπολίτης Δ. Λεξικό της Ποντιακής Διαλέκτου. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2011. Σ. 189.*

в наших полевых исследованиях на территории России, Казахстана, Грузии и Армении подобные лексемы зафиксированы не были.

Помимо собственно названия мифологического персонажа был зафиксирован производный от него глагол *χортλαέω* ‘становиться «хортлахом»’, который чаще всего употребляется в форме аориста третьего лица единственного числа: *εχортλάεψεν* ‘он / она стал(а) «хортлахом»’. В словаре Хадзопулоса-Иоакимиду упоминается глагол *χортλαέω* с тем же значением, который сопоставляется с тур. *hortlamak* ‘становиться «хортлахом»’, приводится пример «Είπαν ότι ο Μεμέτ εφέντης εχортλάεψεν» [Сказали, что Мемет-ефенди стал «хортлахом»], а также указывается производное существительное *χортλάεμαν* ‘превращение в «хортлаха»’⁹. В примерах спонтанной речи наших информантов последняя лексема зафиксирована не была, однако на прямой вопрос о значении слова *χортλάεμαν* носители понтийского диалекта отвечали, что этим словом может обозначаться сам процесс превращения покойника в «хортлаха».

Для рассматриваемых персонажей преобладающей оказывается **антропоморфная ипостась**: в виде покойника, выходящего по ночам из могилы, который может иметь облик, максимально напоминающий того человека¹⁰, который был захоронен в этой могиле и, по поверьям, превратился в «хортлаха»:

*Ну, якобы в гробу перевернулся, с того света он пришел. Он умер, встал оттуда и плохие вещи делает <...>. Ну, нехороший человек, бог его не принял, якобы, бог не принял, он творил много плохого. И говорят, он уже хортлах. Как бы он уже не человек, он переходит в другую стадию. Я не верю в это*¹¹ [КВВ, м., 1948 г.р., род. Велеспири (Грузия), зап. ст. Эссентукская¹²].

⁹ Χατζόπουλος Γ. Κ., Ιωακείμιδου Π. Ζ. Χρηστικό λεξικό. Δάνειες λέξεις στην понτιακή διάλεκτο. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παίδεια, 2022. Σ. 235.

¹⁰ Для современной Греции также характерны представления о «ходячих покойниках», которые, по народным воззрениям, появляются в виде мертвеца с разложившейся плотью, испачканной землей и грязью. См.: Μουζάκης Σ. Α. Οι Βρικόλακες, Δοξασιές, Προλήψεις και Παραδόσεις σε Καταγράφες από τους Αρχαίους — Βυζαντινούς και Μεταβυζαντινούς Χρόνους. Αθήνα: Βιβλιοπώλειο των Βιβλιοφίλων, 1989. Σ. 19–20.

¹¹ Здесь и далее расшифрованные тексты интервью с информантами приводятся на том языке, на котором они были записаны. Во многих случаях в беседе с информантами происходило спонтанное переключение между двумя языковыми кодами — русским и греческим. Все греческие тексты и лексемы дублируются заключенным в скобки переводом на русский язык, выполненным автором статьи.

¹² Здесь и далее после фрагментов с расшифрованными текстами интервью в квадратных скобках даются основные сведения об информантах: инициалы (ФИО), пол, год рождения, место рождения, место записи интервью. В силу сложных миграционных процессов многие информанты, родившиеся в понтийских селах Грузии или Армении, сейчас обосновались в местах компактного проживания греков в Краснодарском или Ставропольском краях на территории РФ, общаются с местным греческим населением, у которого они могут заимствовать некие культурные представления или интересующую нас лексику традиционной культуры. Именно поэтому сведения о месте рождения информанта и месте записи интервью, которое в подавляющем большинстве случаев является местом нынешнего проживания информанта, предоставляют важную информацию для исследования.

Фиксируются описания аномальных особенностей глаз мифологического персонажа, по которым можно было отличить его от обычных людей: чаще всего это «налитые кровью», то есть красные, или «выпученные» глаза; иногда рассказывают, что глаза у «хортлахов» настолько сильно раздуваются, что лопаются от напряжения:

*Говорили, неправильно его похоронили, как *εχόρτλαυε* [и он стал хортлахом]... (Соб.: *Ντο εν χορτλάχ?* [Что такое хортлах?]) *Это значит, он обидится*¹³, и у него глаза так лопаются [АГК, м., 1958 г.р., род. Мадан, зап. Алаверди, Армения].*

Среди зафиксированных нами **зооморфных ипостасей** «хортлаха» следует отметить образ большой лохматой собаки, преимущественно черного цвета:

Хотлахс — это человек, который, ну, нехороший был, творил всякие гадости, нельзя быть настолько гадом, понимаешь <...> и он вылезал ночью. <...> Анастас, бабушки брат, он явно видел. Он говорит, я же не дурак, говорит, собака <...> такая большая, черная, <...> пришла к нему домой, и он, значит, а там недалеко кладбище было, он, говорит, я пошел за ней, думаю, что «кутя-кутя», туда-сюда, покормить хотел. Ночью это, в час-два, может, к утру. И она прямо пошла в кладбище и потерялась <...> Это хотлахс их называют [МГИ, м., 1946 г.р., род. Лесное, зап. Адлер].

Считалось, что «хортлах» в виде собаки выходит из могилы через отверстие, заметное человеку со стороны, которое можно было заделать, чтобы воспрепятствовать его последующему появлению:

Хортлах, знаешь, кто сам вешается, кто... самоубийство. У нас в селе был <...>. Один мужчина сам повесился и похоронили. И до сорока дней, там, где кладбище, там прямо через улицу <...> там мальчики играли и смотрят, что там прямо дырка такая, такая большая дырка. <...> Эти мальчики пришли, моему племяннику говорят: «Сашка, знаешь, какая-то дырка есть там». Хотят жене сказать. <...> Она рано утром встала и детям говорит смотреть, которые не боятся <...> Они говорят, там оттуда как будто какая-то собака ушла — ав-ав-ав-ав — из дырки. И начала гавкать два-три раза, и они начали кричать, и все. На следующий день эта женщина, невестка эта, пошла все закрыла¹⁴ [ЭР, ж., 1939 г.р., род. Цинц-каро (Грузия), зап. ст. Ессентукская].

Описанная зооморфная ипостась мифологического персонажа коррелирует с его способностью к оборотничеству — в понтийских мифологи-

¹³ Вероятно, информант в этом месте описывает сильное физическое или эмоциональное напряжение («обиду»), в результате которого у человека могут лопнуть сосуды в глазах, что приводит к покраснению.

¹⁴ В приведенном фрагменте рассказывается о том, что женщина закрывает обнаруженную детьми дыру, через которую «хортлах» в виде собаки мог выходить ночью из могилы, чтобы таким образом лишить его возможности приходить в мир живых людей и пугать их. Речь идет о физическом устранении дыры в могиле — она была засыпана или завалена камнем.

ческих нарративах «хортлах» превращается в черную лохматую собаку или других животных и получает возможность перемещаться в таком виде в мире живых людей только в темное время суток, а с первыми лучами солнца он снова принимает облик мертвеца¹⁵. Именно поэтому «хортлах» стремится вернуться до рассвета в свою могилу, чтобы не быть обнаруженным другими людьми. Нередки сюжеты с описанием ситуаций, в которых человек, обнаруживший ночью собаку или других животных, запирает их в сарае, доме или погребе и таким образом случайно, по незнанию, препятствует возвращению ходячего покойника на кладбище:

Хортлах — это вообще было. Бывали люди, из земли поднимались, оживали. То есть он как бы мертвый, он поднимался, мертвый, он не жил. Вообще говорят, это очень давно было, кто-то хортлах, и приходил, бог прости меня, как собачка <...>. Он приходил, даже случай был. Я именно не знаю, в какой деревне, короче, и дома сын, он все сделал. Эта собака зашла в сарай. Нельзя было закрывать. И он закрыл уже все хозяйство, накормил. И вот эта собачка там была, вот этот хортлах был, и он закрыл, и он не мог выйти. И утром зашли, и там этот человек, собачка стал этот человек — мертвец лежит. И говорят, он очень сильно испугался, потом ему не помогли. И умер. Говорят, нельзя закрывать. <...> Хортлах — он как человек, но уже не человек [ЭГЭ, м., 1975 г.р., род. Джениси (Грузия), зап. ст. Ессентукская].

В окрестностях Сочи¹⁶ был записан нарратив с превращением «хортлахов» в курицу с цыплятами¹⁷, которые были заперты в сарае и наутро оказались мертвецами:

Χοτλάχ 'ς [хортлахи]¹⁸, на кладбище они обычно, они выходят... Это люди, которые... душа не принята на небесах... и ночью они ходят-ходят по кладбищу туда-сюда. Это легенды такие были, и нас пугали таким очень сильно, но вообще-то, может, что-то и было раньше. <...> Выходят хотлахс, они могут превращаться в собаку, они могут превращаться в курицу...

¹⁵ В мифологических нарративах современной Греции также фиксируются представления о способности вурдалака превращаться в разных животных: огромных лягушек, собак, кошек, зайцев, летучих мышей, однако эта характеристика новогреческого вурдалака, в отличие от понтийского «хортлаха», не является его основным свойством. См. Πολίτης Ν. Γ. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1904. С. 577–578.

¹⁶ Подробнее об этнолингвистической ситуации и особенностях понтийского диалекта окрестностей г. Сочи см. Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06>.

¹⁷ Подобная зооморфная ипостась мифологического персонажа описывается Д. Камбуроглу в отношении сказочного персонажа Арапа, который обладает способностью превращаться в любых людей, животных и предметы: становится орлом, прекрасным агонь, маленькой птичкой мухоловкой, старым турком, а затем — курицей с цыплятами. См.: Καμπούρογλου Μ. Αθηναϊκά παραμύθια. Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 1997. С. 76–77.

¹⁸ .Χοτλάχ'ς 'хортлахи' — форма множественного числа от χοτλάχ 'хортлах'.

Я вот сейчас говорю, у меня аж щетина дыбом. Я помню, пацаном был, я бежал... – Видел их? Ну, я наслышан был, отец рассказывал такие вещи, было такое. На кладбище курица с цыплятами, вот, и, значит, идет по кладбищу. Женщина не знала, значит, и «кутя-кутя», зовет, значит, пытается из собрать как-то, туда-сюда, и, вроде бы, домой их принесла, закрыла их в комнате, а утром... ну, по легенде, вроде бы, они говорят, что там мертвецы лежали [МГИ, м., 1946 г.р., род. Лесное, зап. Адлер].

Цветовые характеристики «хортлаха» представлены бинарной черно-белой гаммой: при описании его появления в зооморфной ипостаси рассказывают о черной собаке, а при описании его появления в виде антропоморфного привидения — о белых одеждах, которые могут быть обусловлены **генезисом** этого персонажа, восходящим к покойникам-мусульманам, которых принято было хоронить в белых саванах:

Когда нам было лет девять-десять, нас родители пугали мусульманами. (Соб.: Как пугали, как говорили?) О, сейчас расскажу. У нас дом стоял на высоте, потом там такой уклон, внизу речка течет, <...> и на этом уклоне было кладбище мусульман <...> И я так боялась вот это кладбище из-за того, что родители так нас пугали, чтобы мы далеко не уходили, ничего не натворили, говорили, эти мусульмане становятся хортлахами. (Соб.: Хортлах — это что такое?) Это турецкое что-то. Я не знаю. Типа они выходят из могилы, идут пугать вас. Это... привидения. И я так боялась этого! И когда я поднималась с первой лестницы до второй, я с такой скоростью поднималась, что не знаю, как оказывалась на второй. Боялась очень этого ночью. (Соб.: А как он выглядел?) В белых одеяниях <...> Именно покойник выходит из гроба <...> Они же в белых простынях хоронили... [ЕЛА, ж., 1958 г.р., род. Дагва (Грузия), зап. пос. Кабардинка].

Когда мусульман хоронили, они оттуда якобы могли подняться и это хортлах получался [СХК, м., 1942 г.р., род. Еди-Килисе (Грузия), зап. ст. Ес-сентукская].

Считалось, что «хортлахами» становятся заложные покойники¹⁹, то есть те, кто совершил самоубийство, был убит и оставлен без погребения, или те, кто при жизни вел несправедную жизнь:

Ехортлáεψε [стал хортлахом]... который задушился или застрелился, у него душа не уходит, он мается между адом и раем, он мается — хортлáεψε [МАЯ, м., 1959 г.р., род. Спарта, зап. Спарта].

¹⁹ Термин «заложные покойники», вынесенный в заглавие статьи, был введен в научный оборот Д. К. Зелениным, который использовал его в начале XX в. для обозначения славянских мифических существ, происходящих от душ умерших неестественной смертью людей, не получивших успокоения после смерти и продолжающих «бродить» по земле, в мире живых. См.: Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. С. 41. Однако в современной науке термин «заложный покойник» является устоявшимся, так что может применяться в отношении не только славянской, но и других традиций.

Обычно, знаешь, как... хортлах говорят, это человек, который нехороший, в своей жизни он был нехороший очень, проклятый был <...> он хортлах получается. Вроде они должны в образе собаки, в образе чего-то... они приходят и опять же все черное дело делают, ну... пугают или по окнам бьют, но это все выдумки. <...> (Соб.: А кому в окна они стучали?) Не скажу, я не видел, к нам не приходили... [СГФ, м., 1947 г.р., род. Бешташени (Грузия), зап. Сенной].

Души умерших, не находящие успокоения после смерти, по выражению Д. К. Зеленина, «те, кои умерли неудовлетворенными, тоскующими»²⁰, согласно понтийской народной традиции, также превращаются в «хортлахов» и бродят по земле, проявляя свою тоску и неудовлетворенность:

Хотлэх — это, получается, человек, он как медведь-шатун. Не спится ему, он весь в своих мыслях, а мысли такие плохие появились у него почему? Потому что у него навязчивая идея появилась, что папа у него был чуть богатый и спрятал где-то золото. И они все ищут, не могут его найти. И три сестры искали, и брат. Потом одна повесилась, устала искать, все огороды они перекопали, она взяла, наложила на себя руки. Хорошая, кстати, такая была, Деспина ее звали, образованная была, техникум у нее, кажется... <...> Ну, вот так, хотлах — это бродячий шатун, без пользы ходит [ПФА, м., 1959 г.р., род. Сакаровка (Казахстан), зап. Галицино].

Считалось, что покойники, погребенные с нарушением ритуала, или те, чью память осквернили после смерти, также превращались в «хортлахов»:

Пугали, если не то сделаешь, обычаи не будешь соблюдать, покойник может стать хортлах, и он придет и то-то, то-то сделает <...>. Если неправильно сделал во время похорон, до сорока дней, что-то не соблюл. Или ты оскорбил память этого умершего... [ИВП, м., 1965 г.р., род. Джениси (Грузия), зап. ст. Ессентукская].

Были зафиксированы нарративы о погребенных заживо покойниках, которые могли кричать, плакать или выть по ночам, являться своим близким, после чего те вскрывали могилу и обнаруживали, что мертвец в гробу лежит в другом положении, что он перевернулся.

Говорят «εχортλιάεψε» [стал хортлахом], человек стал такой, εχортλιάεψε <...> Смысл в том, что говорили «εχортλιάεψε», почему я это знаю уверенно? Был случай, меня еще не было, это рассказывали старики. Хоронили раньше... четыре-пять дней раньше держали покойника дома... Похоронили, и рядом с кладбищем была дорожка маленькая, оттуда скот постоянно на пастбище гоняли. И напротив дом был, жили люди. И он обычно там косил, ухаживал за местом. Και (и)... под вечер всегда же эхо слышно особенно в деревне... και ακούω λέει σα ταφία κάποιος τσαϊζ', ακούω κάποιος τσαϊζ'. Εγώ λέει άφησα, εσπρώξα τα ζά, σην αυλή απες, και ακούω, σαν κάποιος

²⁰ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. С. 295.

σκούζ' ασ' τα ταφία. Το πρωί η ώρα τέσσερα γλέπ' με τα ζα, ζανακούει, από ζανακούει... Ερθανε... [..и я слышу, как на кладбище кто-то кричит, слышу, кто-то кричит. Я, говорит, оставил, завел скотину, там во двор, и слышу, будто кто-то скулит на кладбище. Утром в четыре часа смотрит с животными, слова слышит, это слова слышит... Пришли...] У нас же раньше колхозы были, собирались люди, шли на работу... πάμε σα ταφία λέει, εν κάποιος και τσαϊζ' λέει [пойдем на кладбище, говорит, там есть кто-то, кто кричит, говорит]. А как проверили, как узнали детали? Они пошли έρεψανε την ταφίν, ανοίξανε το ταφούτ και ...ο νεκρός ήσανε ανάσκελα, εκλώσκεν, έπασε η καρδιά τ', η καρδιά τ' έπασεεν [нашли могилу, открыли гроб и... мертвец был перевернут, он перекрутился, сердце у него разорвалось, сердце его разорвалось] [ППК, м., 1976 г.р., род. Неон Хараба (Грузия), зап. Геленджик].

Место появления мифологических персонажей обусловлено их генезисом — это кладбище и его окрестности или мусульманское кладбище. Однако помимо этого очевидного локуса были записаны свидетельства о том, что излюбленным местом сбора «хортлахов» являются ореховые деревья, поэтому старались соблюдать запрет спать в тени такого дерева, чтобы обезопасить себя от их вредоносного действия:

Под орехами раньше нельзя было спать. Да, вон в деревне орехи. Вот там они и собирались, эти хотлахи. (Соб.: А почему?) Не знаю, какая причина, но под орехами я боялся в детстве ходить [МГИ, м., 1946 г.р., род. Лесное, зап. Адлер].

Время появления или активизации «хортлахов» обычно ограничивается темным временем суток — это ночь, вечер, время сразу после захода солнца. Считалось, что ночью мифические существа могут реализовывать свою способность к оборотничеству, превращаться в «живых» животных, которые двигаются и издают различные звуки, но с первыми лучами солнца они снова становятся мертвецами.

Принадлежащие к классу нечистой силы «хортлахи» совершают **вредоносные действия**, главным из которых является запугивание людей.

Хортлах — это значит, он восстал... хортλάεψε [стал хортлахом]... с могилы поднялся и напугал меня, ну, хортλάεψε... <...> он восстал из мертвых в живых [СХК, м., 1949 г.р., род. Дубовая Балка, зап. Дубовая Балка].

Одним из характерных вредоносных действий является общая для многих других персонажей греческой народной демонологии **езда верхом на человеке**:

Пастухи, допустим, пасли овец на лошадях... они могли, эти хортлахи, они прыгали на лошадь сзади сверху. Сзади прыгали сверху на наездника. Пугали человека [ВДП, м., 1985 г.р., род. Эссенуки, зап. ст. Эссендукская].

Для **избавления** от «хортлаха» прибегали к помощи священника, приглашали его на кладбище для освящения могилы, заказывали панихиду по покойному в церкви, ставили свечу за упокой:

Обычно свечку ставили, молитву читали, на кладбище ходили, землю крестили <...> священника приглашали. А иногда бывало, что и священник отказывался. (Соб.: Почему отказывался?) Черт его знает... он, якобы, дьяволу отдался... [СГФ, м., 1947 г.р., род. Бешташени (Грузия), зап. Сенной].

В современных условиях лексемы *χортλάχ* «хортлах», «ходячий» покойник», *χортλα(γ)έω* «становиться «хортлахом»» часто используются в **переносном значении**. Глагол *χортλα(γ)έω* получает значение «бродить по ночам, не спать, пугать», а лексема *χортλάχ* закреплена в том числе во фразеологизмах с компонентом сравнения: *αμόν χортλάχ* «как «хортлах»» типа «бродить как “хортлах”», «гулять по ночам как “хортлах”»; в качестве ругательства слово «хортлах» применяется в любой ситуации, когда человек ночью не спит, бродит по селу, пугает прохожих или просто долго не ложится спать, например, засиживается допоздна за компьютером:

Говорят, *εχортλάεψες*; если он ночью ко мне пришел... *Εχортλάεψες*; что не спишь? <...> Говорят, *αμόν χортλάχ*, ты как хортлах [СХК, м., 1949 г.р., род. Дубовая Балка, зап. Дубовая Балка].

Отличительная особенность понтийского «хортлаха» на общегреческом фоне — его способность к оборотничеству (днем он лежит в виде мертвеца в могиле, а ночью в своей зооморфной ипостаси, позволяющей ему перемещаться в пространстве мира людей, выходит за пределы кладбища и бродит по селу), что контрастирует с более привычными разнообразными ипостасями общегреческого «вурдалака»²¹. В ходе полевых исследований нами не были зафиксированы нарративы с упоминанием функции «пить кровь», характерной для общегреческой традиции²².

Представления о «хортлахе» лучше сохраняются среди туркоговорящих греков-урумов, уроженцев греческих сел Грузии, что соотносится с общей лучшей сохранностью народно-мифологических воззрений и традиционной культуры в целом. Русскоговорящим соседям понтийских греков этот персонаж под именем «хортлах» неизвестен, однако он может соотноситься с такими распространенными образами, как *вурдалак*, *упырь* или более современный его вариант — *зомби*. Этими же лексемами пользуется наши греческие информанты в попытках перевести на русский язык лексему «хортлах».

Нарративы о «хортлахах» распространены во всех обследованных регионах России, Казахстана, Грузии и Армении, а сама лексема закреплена в том числе во фразеологизмах типа «бродить как “хортлах”», «гулять по ночам как “хортлах”». К сожалению, образ «хортлаха» в настоящее время

²¹ Подробнее об антропоморфных, зооморфных, предметных и контаминированных ипостасях вурдалака в общегреческой мифологической традиции см.: Климова К. А. Вурдалак в народной культуре современной Греции. С. 274–287.

²² *Διαλεκτός Ν. Νεράιδες — Καλλικάντζαροι — Βρικόλακες στις Λεσβιακές παραδόσεις. Δοξασίες και αφηγήσεις*. Αθήνα: s. n., 1979. Σ. 59.

постепенно забывается — как видно из приведенных данных об информантах, развернутые нарративы об этих мифологических персонажах приводят только люди старшего поколения, в то время как представители среднего и младшего поколения с трудом могут дать даже простое определение этой лексеме, обычно ограничиваясь ответом, что «это что-то плохое, неприятное».

Перспективные направления дальнейшего исследования включают сравнительный анализ понтийской народной мифологии с традициями других греческих диаспор, а также изучение механизмов культурной ассимиляции и адаптации народно-мифологических представлений понтийских греков в среде современного русскоязычного общества. Данный подход позволит сформировать более полное представление об общих процессах формирования понтийской культурной идентичности.

Источники

- Νικολοπολίτης Δ.* Λεξικό της Ποντιακής Διαλέκτου. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2011.
- Χατζόπουλος Γ. Κ., Ιωακείμισου Π. Ζ.* Χρηστικό λεξικό. Δάνειες λέξεις στην ποντιακή διάλεκτο. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2022.

Литература

- Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 16–44.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.
- Климова К. А.* Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. Вып. 1. С. 274–287.
- Климова К. А.* Дьявол как внесистемный персонаж новогреческой демонологии // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2018. № 1–2 (3). С. 74–94. https://doi.org/10.29003/m690.2658-7157.2018_3_1-2/74-94
- Климова К. А.* Греческие святочные демоны: каликандзары, скалапундары, планитары, пагана, пизилы // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2023. № 14 (1). С. 7–26. https://doi.org/10.52607/26587157_2023_14_7
- Климова К. А., Никитина И. О.* Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06>
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

- Διαλεκτός Ν.* Νεράϊδες — Καλλικάντζαροι — Βρικόλακες στις Λεσβιακές παραδόσεις. Δοξασίες και αφηγήσεις. Αθήνα: s. n., 1979.
- Εφραιμίδης Γ.* Προλήψεις — δεισιδαιμονίες στον Πόντο (από το έργο του Ανανία Ν. Νικολαΐδη) // Ποντιακή Εστία. 2011. Τεύχος 171. Σ. 301–302.
- Καμπούρογλου Μ.* Αθηναϊκά παραμύθια. Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 1997.
- Μουζάκης Σ. Α.* Οι Βρικόλακες. Δοξασίες, Προλήψεις και Παραδόσεις σε Καταγραφές από τους Αρχαίους — Βυζαντινούς και Μεταβυζαντινούς Χρόνους. Αθήνα: Βιβλιοπωλείο των Βιβλιοφίλων, 1989.
- Πολίτης Ν. Γ.* Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1904.
- Χασιώτης Ι. Κ.* (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997.

References

- Chasiotis, I. K., 1997. *Oi Ellines tis Rosias kai tis Sovietikis Enosis* [Greeks of Russia and Soviet Union]. Thessaloniki: University Studio Press. (In Greek)
- Dialektos, N., 1979. *Neraides — Kallikantzaroi — Vrikolakes stis Lesviakes paradoseis Doksasies kai afigiseis* [Neraides — Kallikantzaroi — Vrikolakes in Lesbian traditions. Beliefs and narratives]. Athens: s. n. (In Greek)
- Efraimidis, G., 2011. Prolipseis — deisidaimonies ston Ponto (apo to ergo tou Anania N. Nikolaidi) [Superstitions — prejudices in Pontus (from the work of Ananias N. Nicolaidis)]. *Pontiaki Estia*, 171, pp. 301–302. (In Greek)
- Kampouroglou, M., 1997. *Athiaika paramythia* [Athenian fairytales]. Athens: Synchroni Epochi. (In Greek)
- Klimova, K. A., 2003. Vampire in the popular culture of modern Greece. In: B. V. Nosov, ed., 2003. *Problems of Slavic studies in the works of young scholars*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 274–287. (In Russian)
- Klimova, K. A., 2018. The Devil as an out-of-the-system character of modern Greek demonology. *Kathedra of Byzantine and Modern Greek Studies. Scientific journal*, 1–2 (3), pp. 74–94. https://doi.org/10.29003/m690.2658-7157.2018_3_1-2/74-94 (In Russian)
- Klimova, K. A., 2023. Modern Greek Demons of the Twelve Days of Christmas: kalikandzars, skalapundars, planitars, pagans, pizilas. *Kathedra of Byzantine and Modern Greek Studies. Scientific journal*, 14 (1), pp. 7–26. https://doi.org/10.52607/26587157_2023_14_7 (In Russian)
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2022. The traditional culture and language of the “Russian Greeks” in Sochi: A review of an ethnolinguistic expedition. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 249–260. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06> (In Russian)
- Mouzakis, S. A., 1989. *Oi Vrikolakes. Doxasies, Prolipseis kai Paradoseis se Katagrafes apo tous Archaious — Vizantinous kai Metavizantinous Chronous* [The Vampires. Beliefs, Superstitions and Traditions in Records from the Ancient — Byzantine and Post-Byzantine Times]. Athens: Vivliopoleion ton vivliofilon. (In Greek)

- Plotnikova, A. A., 2009. *Materials for ethnolinguistic investigation of the balkan-slavic area*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian)
- Politis, N. G., 1904. *Meletai peri tou viou kai tis glossis tou ellinikou laou. Paradoxeis* [Studies on the life and language of the Greek people. Traditions]. Athens: Typois P. D. Sakellariou. (In Greek)
- Vinogradova, L. N., Tolstaia, S. M., 1994. To the problem of identification and comparison of characters of Slavic mythology. In: N. I. Tolstoi, ed., 1994. *Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Texts. Ritual*. Moscow: Nauka, pp. 16–44. (In Russian)
- Zelenin, D. K., 1995. *Selected works. Essays on Russian mythology: People who met a violent death and mermaids*. Moscow: Indrik. (In Russian)